

Зимой десятого года эпохи Цзинхэ небо явило грозное знамение: на страну обрушились небывалые снегопады. Бедствие протянулось от берегов реки Хуай до самого Цюнчжоу в Северных землях. Несчастье тяжким бременем легло на плечи простого люда, и за считанные месяцы жизнь в государстве стала невыносимой.

Астрологи Императорской обсерватории, вглядываясь в ночные небеса, узрели недоброе предзнаменование: звезды Семь Убийств и Жадный Волк разгорелись неистовым светом. Это знаменовало неминуемую расплату за пролитую кровь.

По стране поползли зловещие слухи. Люди шептались, будто Сверх-император повинен в этих несчастьях: его жестокое и деспотичное правление разгневало богов, навлекших на подданных страшную кару.

Тогда советники и сановники завалили тронный зал прошениями, умоляя Сверх-императора издать покаянный манифест, дабы умиловить небеса. Чиновники во главе с Главным цензором левой длани прямо в Зале Золотых Колокольчиков разбивали головы о колонны, совершая самоубийство в знак протеста и требуя отречения владыки в пользу Юного императора.

Однако Сверх-император, ссылаясь на внезапный недуг, лишь тянул время, наотрез отказываясь каяться. Более того, он запер Юного императора в Зале Провозглашения Празднования, запретив тому покидать покои без особого соизволения.

Следом грянул беспощадный указ: начались повальные обыски, аресты и ссылки. Из прежнего состава Императорского цензората едва ли уцелел один из десяти. Вся страна погрузилась в ужас, а в кулуарах власти забурили невидимые миру темные течения.

В Цюнчжоу свирепствовала вьюга, завалившая горные перевалы. Государственный тракт на многие ли покрылся сплошным панцирем льда.

Посреди этого безмолвного белого хаоса у подножия пустынной кручи замер экипаж с позолоченной крышей. Ветер неистово выл, швыряя в лица колючую ледяную пыль.

Кучер устремил взгляд на скрытую метелью дорогу и через минуту опустил кнут. Обернувшись к дверце кареты, он склонил голову:

— Ваше Величество, горы занесло снегом. Боюсь, дальше ходу нет.

Его зычный голос с трудом преодолел рев бури. Тотчас бледная, холодная рука отодвинула тяжелую занавесь из расшитого шелка и лисьего меха. Человек внутри не проронил ни слова. Движения его казались на удивление тяжелыми. В другой руке он сжимал свиток из

императорского желтого шелка, собираясь выйти наружу.

Правивший повозкой Фухай торопливо скатился на землю. По привычке он уже собирался опуститься на колени в сугроб, чтобы послужить господину живой ступенью, но тот холодно бросил:

— Прочь.

Пальцы слуги ушли глубоко в лед, и тело обдало пронизывающей стужей, однако въевшаяся в плоть угодливость сработала безотказно: он мгновенно вытащил деревянную подставку и поставил вместо себя.

Высокий, стройный мужчина в парчовом одеянии цвета молодой луны ступил на подножку. Растрепанные волосы, едва скрепленные лентой, метались под порывами ветра. Черты его лица, некогда мягкие и благородные, словно выточенные из драгоценного нефрита, застыли безжизненной маской, а между бровей залегла суровая тень.

Он спустился на снег. За несколько коротких шагов ледяной воздух проник под одежды, лишив красивое лицо последних остатков румянца. Мужчина устремил пронзительный взгляд вдаль, где очертания хребта Горы Цюн сливались с серой пеленой небес.

Этот хребет служил естественной преградой на пути к префектуре Цюнчжоу, раскинувшейся у самого южного рубежа. Не будь этой вьюги, они достигли бы цели уже сегодня. Но во всей Великой Лян именно провинция Цюнчжоу пострадала сильнее всего. Тракт, ведущий к административному центру, расчистят теперь разве что месяца через три, а то и все пять.

«Что ж, пусть будет здесь».

Он небрежно швырнул Фухаю желтый императорский свиток, исписанный торопливым, неровным почерком, словно выбрасывал ненужный обрывок бумаги.

Слуга едва успел поймать указ. Свиток показался ему тяжелее чугунной плиты. Запинаясь от волнения, Фухай залепетал:

— Ваше Величество, впереди лишь глухие тропы, засыпанные бураном. Там легко сгнуться, стража не поспеет за вами! Да и преследователи дышат в спину... К чему вам одному рисковать собой?

Господин лишь слегка нахмурился, с досадой взглянув на болтливую слугу. Фухай мгновенно прикусил язык, но в его глазах по-прежнему читалось немое недоумение.

Двор пребывал в смятении. Приспешники Юного императора потеряли всякое терпение: стоило царскому экипажу покинуть пределы столицы, как по следу пустили наемных убийц.

Однако владыка упорно не давал приказа избавиться от хвоста.

Осознав это, Фухай ощутил, как к горлу подкатывает леденящий ужас.

— Передай мой устный приказ: Гвардии Перьевого Леса немедленно доставить свиток в Зал Провозглашения Празднования. Любой ценой.

Мужчина негромко закашлялся, прикрыв рот ладонью. Отворачиваясь, он протянул руку, уверенно перехватил поводья привязанного к карете коня и легко взлетел в седло.

Фухай побледнел от ужаса, но перечить не посмел. С глухим стуком он упал на колени прямо в сугроб и склонился до самой земли, прощаясь навсегда. Наконец до него дошел страшный замысел владыки.

Последние месяцы во дворце не утихали ожесточенные распри. Грядущая буря грозила смести все на своем пути, и казалось, трон под Сверх-императором вот-вот рухнет. Но никому и в голову не могло прийти, что правитель, которому надлежало безвыездно находиться в Зале Провозглашения Празднования, давно тайно покинул столицу.

Цюнчжоу — рассадник скверных слухов — десять лет назад стал для него отправной точкой в борьбе за власть.

Теперь эти горы должны были стать его могилой.

Пронизывающий холод, непроходимые снега и свора убийц за спиной — в этом безмолвном белом аду его не спасет ни один бог.

Ткнувшись лбом в обледенелую землю, слуга с трудом сдерживал рыдания. Голос его, надорванный и хриплый, сочился неподдельной скорбью, а горячие слезы мгновенно таяли в сугробах.

— Ваш покорный слуга провожает Ваше Величество. Да исполнятся ваши помыслы.

И да смиростивятся небеса, заставив императора изменить свое решение...

— Возвращайся, — глухо донеслось сквозь завывание ветра.

Метель утихла, но стужа не отступала.

В одном из заброшенных храмов бога земли, затерянном на окраине поселения Цюншань, царил сквозняк. Под дырявой крышей сиротливо висел старый покрытый ржавчиной колокол. Потертая солома летела по залу вместе с остатками снега, а на полу лежали грубые циновки, наспех перевязанные пеньковой веревкой. На них, тесно прижавшись друг к другу, сидели местные жители, затаив дыхание.

У единственного в помещении низкого столика стоял убеленный сединами старик в длинном платье, поверх которого была наброшена невзрачная серая безрукавка на меху. Несмотря на преклонный возраст, взгляд его оставался ясным и цепким, а голос звучал на удивление твердо:

— Закончим сегодняшний урок толкованием письменных знаков.

Сразу становилось ясно: эта импровизированная школа в глухой деревне далека от столичных канонов. Всё здесь — от убогой обстановки до разношерстной публики — выдавало заведение самого низкого пошиба. Впрочем, скажем мягче: здесь царила атмосфера непринужденной простоты.

Старик за столиком продолжал вещать:

— Иероглиф «ян» означает сухой жар, палящий зной. Чаще всего он выражает нечто раскаленное, связанное со стихией огня. Разумеется, существуют и иные толкования.

Намеренная пауза и строгий взгляд наставника заставили учеников уныло потупиться — каждый понял, что сейчас начнется опрос. Старик неторопливо оглядел присутствующих, чьи лица отражали самый разный возраст, и остановил взор на юноше у самого края. Тот сидел развалившись, прислонившись к каменной колонне и небрежно закинув ногу на ногу.

Его голову венчала грубая холщовая шапка с меховой опушкой — редкая и дорогая вещь для здешних бедных мест. Парень натянул ее на самые глаза, скрыв половину лица, так что на холоде виднелись лишь тонкие, изогнутые в полуулыбке губы. Сон его был настолько глубок, что даже если бы ржавый колокол над головой зазвонил во всю мощь, юноша вряд ли соизволил бы очнуться.

Прежде чем учитель успел окликнуть нерадивого лоботряса, кто-то сбоку поспешил выслужиться:

— Я читал обрывки хроник Великой Чжоу! Там упоминается один жестокий правитель, чей посмертный титул звучал как Ян.

Седобородый наставник поморщился, предугадывая, куда клонит выскочка, но не успел его прервать. Мальчишка, упиваясь собственной ученостью, звонко отчеканил:

— Император Ян совершил немало злодеяний, навлекших гнев небес. Стало быть, этот знак несет в себе смысл жестокости и бездушия.

Шел десятый год эпохи Цзинхэ под властью династии Великая Лян. Предыдущей была династия Великая Ин, а ей предшествовала Великая Чжоу. Тот юный император Чжоу отличался воинственностью и свирепым нравом; взойдя на престол в нежном возрасте, он оставил по себе лишь дурную славу тирана. Хуже всего то, что правил он от силы года два и ушел из жизни совсем молодым, точно пораженный проклятием небес.

— Дурной знак, — нахмурился один из крестьян помоложе. — Смерть во цвете лет... Когда у меня родится младший, ни за что не назову его этим именем.

— И то правда, словно проклятие накликаешь.

— Да разве в здравом уме кто-то назовет так дитя? Этот «ян» приносит одно несчастье.

Их голоса уносил свирепый ветер, и до дремлющего юноши долетали лишь обрывки слов, которые сонная мысль неохотно складывала воедино:

«Цин... имя... Ян... несчастье...»

Ин Цинъян только-только вернулся из объятий сна. Не успел он разомкнуть веки, как до его ушей донеслось, что кто-то костит его имя последними словами. Не до конца разобравшись в происходящем, он мысленно возмутился:

«Имейте совесть, господа!»

Раскрыв глаза, Цинъян почувствовал такую ломоту во всем теле, словно его нещадно избили палками — сказывалась долгая неподвижность в неудобной позе. Лицо его, от природы выразительное и благородное, скорчилось в уморительной гримасе.

Отродясь никто не смел насмехаться над ним в глаза. Вскинув голову, он уже собирался язвительно поинтересоваться, чьи же благородные уста изрыгают подобную чепуху, готовый содрать с обидчика хоть десяток медных монет за моральный ущерб. Однако, едва его взгляд встретился со взором наставника у стола, весь боевой задор улетучился, уступив место неловкости. Юноша смущенно кашлянул и отвел глаза.

Почтенный Цзян Юньчжи был единственным образованным человеком в этой глуши. Он не только обучил Ин Цинъяна грамоте, но и долгие годы заменял ему семью. Впрочем, сам старик предпочитал величать себя не иначе как Великим наставником.

Наставник Цзян держал в этой богом забытой деревушке скромную школу, собирая с учеников плату, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Ин Цинъяна каждый раз приволакивали

сюда силой. Отправляясь в Восточное поселение горы Цюн, юноша изрядно потрудился: расточал льстивые речи, превозносил мудрость старика до небес и клялся прилежно внимать каждому слову. Всё ради того, чтобы выпросить у наставника лишнюю пригоршню монет.

Скупой на деньги Великий наставник Цзян дрогнул под напором медовой лести и нехотя уступил. Увы, стоило Цинъяну занять свое место в полуразрушенном зале и услышать монотонное бормотание древних канонов, как веки его отяжелели. Даже ледяной ветер, свирепствовавший снаружи, не смог уберечь его от сладких объятий сна.

Видит бог, он честно пытался учиться, но его бунтарский дух брал свое. С пяти лет, когда наставник впервые вложил в его руки свиток с мудростью предков, и до сего дня, когда юноша почти достиг совершеннолетия, учение не шло впрок. В краснобайстве и умении заговорить зубы ему не было равных, но стоило завести речь о высоком слоге древней поэзии или искусстве управления государством, как он мгновенно сдавался. Не всякая священная книга способна взрастить мудреца — и Цинъян являл собой живое тому подтверждение.

Конечно, Великий наставник считал все его оправдания глупыми бреднями. Сознывая свою вину за очередной проспанный урок, Цинъян слегка робел перед стариком. Однако Цзян Юньчжи истолковал его притихший вид по-своему: он решил, что парня задела за живое рассуждения деревенских о проклятом знаке «ян».

Имя Ин Цинъяна давно сделалось запретным плодом, который наставник оберегал все эти годы. Старик хотел пресечь глупые разговоры селян, но опоздал.

Потеребив седую бороду, Цзян Юньчжи негромко произнес:

— Толкование верное. На сегодня занятия окончены.

Не веря своей удаче, Ин Цинъян изумленно захлопал глазами. Чтобы отвлечься, он уставился на лоскут чистого неба сквозь прореху в кровле, гадая, уж не взошло ли солнце сегодня на западе. Воздух после бури казался хрустальным, а лазурь выси сияла первозданной чистотой, заставляя забыть о земных невзгодах. Юноша залюбовался этой картиной.

Очнулся он оттого, что наставник принялся собирать плату за обучение. В этих краях никто больше не брался за просвещение бедноты, но и платить крестьянам было нечем. На старый столик один за другим ложились скромные подношения: куриные яйца, куски вяленого мяса, шкурки лесных зверей. Старик принимал всё без утайки.

Ин Цинъян бесцельно слонялся рядом, по-прежнему надеясь получить обещанную мелочь. Когда ученики разошлись, наставник принялся неторопливо разбирать принесенное добро. Юноша притащил откуда-то низкую табуретку, уселся поодаль и принялся гипнотизировать взглядом кучку медных монет на краю стола.

Истинному книжнику не пристало пачкать руки презренным металлом, и в былые времена

Цзян Юньчжи свято соблюдал это правило. Но суровая действительность быстро излечила его от столичного высокомерия: благородством сыт не будешь. Лишь старик имел власть над капризами Ин Цинъяна, способного растратить всё до последней крохи. Так что ведение хозяйства невольно перешло в руки Великого наставника.

Великий наставник отсчитал несколько монет и протянул их юноше:

— Держи.

Ин Цинъян удивленно пересчитал медяки:

— Ого, целых две лишних монеты!

Старик одарил его колючим взглядом и язвительно заметил:

— Будь Ваше Высочество прилежнее на уроках, монет прибавилось бы куда больше.

Ин Цинъян театрально вздохнул, ничуть, впрочем, не сожалея о содеянном:

— Вам давно пора смириться с тем, что ваш покорный слуга — обыкновенный бездельник. Все эти разговоры о великом предназначении, спасении Поднебесной и священном долге — не более чем пустой звук. К чему тратить на меня силы?

За долгие годы он привык к подобным величаниям, хотя поначалу они изрядно резали слух. Цинъян безразлично почесал затылок:

— И что на вас нашло? Мы ведь договаривались не произносить этих титулов при посторонних.

Лишнее слово могло погубить их обоих. Поселение Цюншань лежало далеко от столицы, однако происхождение Ин Цинъяна оставалось смертельно опасным клеймом.

Наставник проигнорировал его замечание и мягко произнес:

— Сегодняшний разбор иероглифов был моей ошибкой. Ваше имя священно, в нем нет и тени беды. Не принимайте близко к сердцу глупые толки простолюдинов.

Юноша беззаботно рассмеялся, отмахнувшись от утешений с присущим ему легкомыслием:

— Ошибаетесь, Великий наставник. Если бы надо мной не сияла Звезда Небесной Погибели, разве уцелел бы я в этой мясорубке?

Его звали Ин Цинъян. На землях Великой Лян одно это имя было смертным приговором. Он был последним уцелевшим потомком свергнутой династии Ин.

<http://bllate.org/book/19722/1944256>